

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Гайдаева Олега Сергеевича на тему «Теория секьюритизации, генезис, эволюция и современное состояние», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Тема диссертации О.С. Гайдаева является актуальной в нескольких измерениях.

Во-первых, современные теории международных отношений, входящие в парадигму постпозитивизма, недостаточно изучены, несмотря на их популярность. Исследование концептуальной и методологической базы этих теорий поможет оценить их познавательный потенциал и оценить практически-политическую значимость.

Во-вторых, теория секьюритизации направлена на изучение такого аспекта теории международной политики, который остался без должного внимания «канонических» парадигм теории международных отношений. Это касается прежде всего вопросов восприятия угроз безопасности обществом, отраженным в дискурсе. Данный подход открывает принципиально новую перспективу изучения проблем безопасности, которая бы учитывала взаимодействие государства и общества, а также процессуальность самого феномена безопасности и его связь с различными факторами, влияющими на восприятие угроз.

В-третьих, изучение эволюции теории секьюритизации позволяет на этом примере уточнить общие и особенные черты в эволюции концепций и методологии постпозитивизма как динамично развивающегося направления исследований современных международных отношений.

В-четвертых, теория секьюритизации дает один из образцов междисциплинарного развития теории международных отношений, что отвечает самой природе международных отношений. Изучение концепций и методов теории секьюритизации позволяет выявить такие инновации, которые могут найти применение в рамках других парадигм.

В-пятых, изучение теории секьюритизации дает возможность глубже понять кризисные явления в современной теории международных отношений и найти пути для их преодоления. Изучение эволюции теории секьюритизации, которая так или иначе проходила в полемике с каноническими теориями, способствует формированию понимания теории международных отношений как множества конкурирующих направлений исследований.

К достоинствам диссертации следует отнести удачно выбранную структуру исследования, которая уже сама по себе показывает глубокое понимание предмета исследования и отвечает цели и амбициозным задачам исследования.

Авторское владение современной историографией вопроса можно оценить как исчерпывающее. По всей видимости, диссертантом изучено подавляющее большинство значимых работ в данной области.

Представляется удачной выбранная методология исследования, включающая в себя помимо хорошо известных методов международно-политических исследований пост-кунианскую социологию и микросоциологический подход. Выбранная методология позволяет рассматривать не просто эволюцию идей, но и повлиявшие на нее внешние факторы, такие как крупные политические события, а также научное мировоззрение отдельных авторов.

В содержательном плане новаторским является исследование диссертантом генезиса Копенгагенской школы, особенностей научного мировоззрения Б. Бузана и О. Вэвера, которые на начальном этапе своего сотрудничества имели, по крайней мере, несовпадающие взгляды на ряд вопросов теории и методологии. Это помогает точнее понять эволюцию теории секьюритизации. Автору удалось разобраться в тончайших нюансах научного мировоззрения и теоретических построениях Б. Бузана, О. Вэвера, Д. Биго, Й. Хейсманса и других. В отечественной историографии вопроса сложно найти столь глубокое понимание предмета, которое демонстрирует в своей диссертации О.С. Гайдаев.

Диссертант приводит убедительную картину дальнейшего развития идей, заложенных Б. Бузаном и О. Вэвером. Их последователи, в частности, французская школа в лице Д. Биго и Хейсманса существенно пересмотрела начальные постулаты теории секьюритизации и попыталась разрешить некоторые из противоречий и недостатков теории секьюритизации. Далее это направление подхватывает Т. Бальзак и другие, развивая концепции экстернализма и интернализма. В частности, весьма показательна их попытка уйти от речевой практике к изучению связи между дискурсом и реальными политическими процессами. По сути это эволюция от постпозитивизма в сторону реалистской традиции. Этот феномен взаимодействия различных концептуальных подходов в ходе формирования теории политики, который поднимает диссертант, заслуживает отдельного изучения и крайне важен для понимания эволюции всех современных парадигм теории международных отношений.

В диссертации ставится важный вопрос о политической ответственности экспертов по внешней политике, поскольку они прямо участвуют в формировании общественного мнения и влияют на принятие политических решений от имени общества и государства. Эта проблема особенно важна в контексте данного диссертационного исследования, поскольку все варианты теории секьюритизации так или иначе ориентированы на создание поля для политических манипуляций обществом, какими бы экзотическими метафорами, возводимыми в статус терминов науки, оно ни прикрывалось (например, «самосбывающееся пророчество», с.196).

Представляется очень актуальной классификация авторских подходов в отношении нормативной составляющей теории секьюритизации, которая сложилась в постпозитивистской традиции.

Систематизация многих положений диссертации нашла отражение в Приложении, что помогает составить читателю целостную картину не только эволюции ее основных этапов, но и особенности концептуальной и методологической базы отдельных теорий или направлений исследований секьюритизации.

Диссертация О.С. Гайдаева представляет собой оригинальное, целостное, аргументированное исследование заявленной темы, основанное на тщательном изучении современной теории международных отношений, относимой к постпозитивизму. Диссертация несомненно обладает научной новизной, поскольку представляет собой, пожалуй, единственное в российской историографии столь систематическое и глубокое исследование теории секьюритизации во всех ее вариантах.

К работе есть лишь несколько дискуссионных замечаний, которые представляют собой комментарии, возникшие при чтении диссертации. Во-первых, актуальность изложена в излишне публицистическом и довольно абстрактном ключе. Более удачно было бы изложить конкретные проблемы, которые проявились в современных подходах к изучению как самих международных отношений, так и в теориях, объясняющих международную политику. В этом плане остается неясным, почему именно теория секьюритизации стала темой исследования. Аргумент о том, что она плохо изучена, вполне серьезен, но явно недостаточен для обоснования актуальности. То же самое касается практической актуальности диссертации, которая тоже сформулирована весьма абстрактно.

Во-вторых, в работе встречаются спорные утверждения. Например, о том, что расширительная трактовка безопасности (РТБ) утверждается в теории международных отношений только в 1990-е гг. (с.22). Под расширительной трактовкой принято понимать отказ от сведения угроз к военной составляющей. И здесь уместно напомнить несколько примеров. Работы неолибералов Дж. Ная и Р. Кохейна с их концепцией взаимозависимости, которые появляются в конце 1970-х гг. Среди неореалистов одной из ярких публикаций в русле РТБ стала работа Р. Ульмана, опубликованная в 1983 г. Упомянутый диссертантом К. Уолтц тоже сторонник РТБ, потому что он сводил безопасность к военной составляющей. О несводимости безопасности к военной составляющей говорят и такие теории неореализма как теория циклов, теория гегемонистской стабильности, историко-системное направление (появление теорий приходится на конец 1970-х – начало 1980-х гг.). Парадигма глобализма, которая формируется в 1980-е гг., также опирается на РТБ, поскольку выводит безопасность из экономических отношений. Таким образом, уже к началу 1980-х гг. РТБ стала трендом в теории, с учетом которого и сформировались все «канонические» теории: неолиберализм, неореализм, глобализм. В этом смысле не стоит преувеличивать ни роль Б. Бузана,

ни Копенгагенской школы в целом, в развитии темы РТБ. Они не были первыми, но без сомнения внесли свой оригинальный вклад.

Другое спорное утверждение касается методологии. Диссертант утверждает, что Б. Бузан и О. Вэвер «подчеркивают, что дискурсивный анализ не является и не может являться единственным методом в теории секьюритизации. Полноценное исследование должно включать и более традиционный анализ взаимодействия акторов, сопутствующих условий и комплексов безопасности в целом» (с.58). Но эта интерпретация автора противоречит сути теории секьюритизации, которая состоит в том, что изначально безопасность рассматривается лишь как речевая практика. Видимо, здесь имеет место не совсем точный перевод. Другое дело, что в более поздних работах Б. Бузана и О. Вэвер периодически возвращаются к мысли, что дискурсивный анализ сам по себе не может считаться самодостаточным для изучения безопасности (и секьюритизации как процесса), это лишь один из ее аспектов. Но это положение фактически не получило развития в рамках теории секьюритизации. Кстати, за этим стоит вывод, мимо которого проходит диссертант: теория секьюритизации носит частичный характер, не претендуя на полный охват международной политики.

В-третьих, в диссертации не хватает критического взгляда автора на теорию секьюритизации Б. Бузана и О. Вэвера в 1 главе. (В последующих главах автор уделяет критике гораздо больше внимания). Научный анализ предполагает выявление как сильных, так и слабых сторон изучаемых теорий, концепций или политических практик. Отсутствие критического взгляда рискует превратить непредвзятое исследование предмета в его апологию. Между тем, более глубокого и критического изучения заслуживают такие концепты как референт безопасности, идентичность, соотношение дискурса и действительности, а также дискурса и политического процесса. Путаница в интерпретациях этих понятий современными исследователями, на которую справедливо указывает диссертант, объясняется во многом неполнотой, недостатками и логическими изъянами самой теории секьюритизации. В этом разрезе споры о секьюритизации между сторонниками и критиками могут идти сколь угодно долго, уходя в дурную бесконечность. Помочь разобраться в спорах может критический анализ самой теории, мнений сторонников и противников.

В качестве иллюстрации достаточно указать на категорию идентичности, которая в теории секьюритизации осталась неопределенной по своему содержанию, по структуре, по способам определения и верификации. Это при том, что идентичность считается постоянно меняющейся во взаимодействии, плюс к тому у одного субъекта идентичностей может быть множество, но они еще и в противоречие между собой могут вступать. Если на это наложить более позднюю идею О.Вэвера (с.51) о множественности референтов безопасности (государство, общество, социальная группа и т.д.), то неизбежно получим крайнее усложнение представлений о безопасности и возможной модели безопасности на уровне государства. Нет ли здесь тупика? Случайно ли О.Вэвер далее вводит понятие

самореферентности безопасности, чтобы показать, что обеспечение безопасности – просто дело практики, нет там никаких критериев и «никого не интересует вопрос объективности верификации» (с.51). Да и угроза не обязательно должна быть экзистенциальной, как это было сформулировано в теории ранее. Диссертант приводит довольно пессимистичные слова О. Вэвера на данную тему: «это уже не столь важно» (с.51-52). Т.е. при чтении диссертации возникает стойкое впечатление, что теория секьюритизации заметно эволюционировала в сторону аморфности и внутренней противоречивости.

Не случайно ли в этой же связи Б. Бузан и О. Вэвер в более поздней работе, в книге о комплексах региональной безопасности, не применяют свои теоретические наработки, как пишет сам диссертант (с.61), а более склонны к традиционному анализу, с критики которого начиналась история создания теории секьюритизации? Т.е. весь наработанный аппарат теории секьюритизации оказался ненужным самим ее авторам. (Кстати, Б. Бузан и О. Вэвер с самоиронией отнеслись к этому парадоксу, практически согласившись с ним, чего не скажешь о некоторых интерпретаторах теории). Но какова же тогда роль и место теории секьюритизации в науке о международных отношениях? Ну и один более конкретный вопрос: а стоит ли вообще на основе идентичности формулировать угрозы безопасности? Чем же хуже, например, государство-центричный взгляд с его национальными интересами, столь критикуемый представителями постпозитивизма? По крайней мере, категория национального интереса при всех ее недостатках меньше страдает от расплывчатости, если сравнивать с идентичностью. Чтобы дать внятные ответы на поставленные выше вопросы, как раз и нужно попытаться критически взглянуть на концептуальный аппарат и методологию теории секьюритизации.

Еще один момент, требующий критического разбора, который обходит диссертант, состоит в эклектике, которая присутствует во взглядах О. Вэвера, Б. Бузана, Й. Хейсмаса и Д. Биго. Автор совершенно справедливо отмечает в этой связи противоречивость взглядов О. Вэвера и Б. Бузана (сталкиваются постпозитивизм и неореализм), но на этом и останавливается. Между тем эклектика может иметь далеко идущие последствия для состоятельности теории. Сама по себе эклектика не обязательно негативное явление в процессе становления теории. Она вполне возможна на этапе становления, но если эклектика так и не преодолена (в виде синтеза качественно новых идей и методов), то теория рискует сочетать в себе принципиально несоединяемое по типу «верующий атеист», выдавая это за интеллектуальную инновацию.

Примером сомнительной инновации такого рода представляется идея диффузной технологии секьюритизации (с.103-104). Новация Й. Хейсмаса сводится к тому, что вместо экзистенциальной угрозы предлагается рассуждать о рассеивании повестки безопасности в повседневной практике человека: идет ли он по улице, обратился ли в больницу, общается ли с представителем муниципалитета, переписывается ли по интернету и т.д. до бесконечности проявлений жизни. Это означает, что повестка безопасности как политический

феномен попросту подменяется на безопасность в крайне абстрактной постановке, т.е. буквально на страхи от всего на свете. По сути, вся жизнь человека и общества пропускается сквозь призму угроз безопасности, лишенных политической составляющей. Можно ли представить практическое воплощение такой политики безопасности в реальном мире? А с другой стороны, не приходит ли Й. Хейманс к конфликтному пониманию природы политики, за которое, начиная еще с 1970-х гг. критиковали «пещерный реализм» времен Г. Моргентау? В чем тут инновация Й. Хейманса, тем более что идея диффузии власти уже была высказана М. Фуко?

В-четвертых, диссертацию украсили бы более развернутые рассуждения автора о месте теории секьюритизации в ряду других теорий международных отношений. Особенное, как воплощение синтеза всеобщего и единичного, можно понять лишь из сравнения с похожим. Именно на этом пути можно найти ответ, насколько актуальна, инновационна и продуктивна данная теория, на какие насущные вопросы она помогает ответить исследователю в качестве инструмента познания и мировоззрения. Частично эта задача решается автором, например, в рассуждениях о появлении концепции социетальной безопасности и в ряде других сюжетов. Но вот это соотнесение, проведенное последовательно сквозь все исследование, дало бы дополнительную пищу как для выводов, так и открыло бы перспективу дальнейших исследований для самого же автора.

По прочтении диссертации складывается впечатление, что различные версии теории секьюритизации, особенно пост-Копенгагенские, перегружены избыточной терминологией, а то и просто метафорами. В то же время, это не привело к заметным новациям, потому выводы типа «безопасность невозможна без воспроизводства небезопасности» тривиальны и не требуют столь долгих рассуждений и обилия новой терминологии. Также тривиально открытие более поздних теорий секьюритизации, которое состоит в том, что следует учитывать не только дискурс, но и «внедискурсные практики и материальные факторы в качестве важных элементов анализа» (с.221-222). Получается, что на ранних этапах эволюции теория попыталась замкнуться на дискурсе, рассуждая, скажем, о социетальной безопасности, а на поздних отказалась от этой довольно странной затеи.

Так же точно тривиален вывод о том, что «успех секьюритизации несводим к выполнению некой универсальной процедуры речевого акта – многое зависит от социальных условий и конкретных политических обстоятельств, которые не могут измеряться никакими универсальными критериями». Это же самое, убрав ложное наукообразие по примеру деконструкции, столь любимой постпозитивистами, можно сказать примерно так: «чтобы убедить аудиторию в существовании угрозы, нужно учитывать социальные условия и конкретные политические обстоятельства, а не просто оперировать универсальными критериями».

Возможно, все это «детская болезнь» роста, но, во всяком случае, если рассуждать о месте теории секьюритизации в ряду других теорий, есть пример четкой научной логики Кеннета Уолтца и его научного языка, лаконичного,

точного, не отягощенного нарочито сложными конструкциями, избыточной терминологией или фантазиями об автономности бытия текстов и смыслов. Если у К. Уолтца словам тесно, а мыслям свободно, то у постпозитивистов порой ровно наоборот, когда читателю сложно выбраться из хитросплетения слов. Во всяком случае, диссертация заставляет переосмыслить множество концептуальных и методологических вопросов.

Вместе с тем, все высказанные выше замечания не снижают высокого качества диссертационного исследования и служат лишь добрым напутствием для дальнейшей научной работы. Сама по себе полемика вокруг теории секьюритизации поднимает актуальные вопросы теории и методологии современной теории международных отношений. Многие наработки автора могут быть внедрены в учебный процесс, в частности, в преподавание дисциплин по теории международной политики на уровне магистратуры и аспирантуры Санкт-Петербургского государственного университета и других ВУЗов РФ.

Диссертация Гайдаева Олега Сергеевича на тему «Теория секьюритизации, генезис, эволюция и современное состояние» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Гайдаев Олег Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Председатель диссертационного совета
Доктор политических наук, профессор

Коньшев Валерий Николаевич

Дата 10.04.2023